

Ключевский В. О. Новооткрытый памятник по истории раскола [Рец. на:] *Лопарев Х. М.* Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей: Вновь найденный старообрядческий трактат против самосожжения 1691 г. // Богословский вестник 1896. Т. 1. № 3. С. 490–499 (3-я пагин.).

Новооткрытый памятникъ по исторіи раскола.

Отразительное писаніе о новоизобрѣтенномъ пути самоубійственныхъ смертей. Вновь найденный старообрядческій трактатъ противъ самосожженія 1691 г. Сообщение *Хрисанова Лопарева* (Памятники Древней Письменности. 1895).

Г. Лопаревъ приобрѣлъ для библіотеки Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности и издалъ рукопись, содержащую въ себѣ доселѣ неизвѣстный важный памятникъ по исторіи русскаго раскола: это обличительный трактатъ, направленный противъ одной изъ крайностей, до которыхъ быстро, еще въ XVII в. дошло старообрядство, оторвавшись отъ Церкви,—крайности самой ужасной, до какой могло дойти изуверство, самосожженія „Бога ради“, для спасенія души. Этимъ трактатомъ значительно пополняется все болѣе накопляющійся запасъ печатнаго матеріала по исторіи раскола. Обличая проповѣдниковъ изувернаго толка, авторъ *Отразительнаго писанія* сообщаетъ много новыхъ и любопытныхъ извѣстій объ ихъ позорной дѣятельности. Цѣнность изданнаго памятника возвышается тѣмъ, что авторъ его самъ старообрядецъ, очевидецъ и въ значительной степени участникъ описываемыхъ имъ событій, вмѣстѣ со многими другими старовѣрами пытавшійся удержать свою темную братію отъ ужасовъ, на которые толкали ее изуверные или безсовѣстные руководители. На основаніи приписки, которой заканчивается трактатъ, издатель признаетъ авторомъ его нѣкоего старца Евфросина, бывшаго въ 1660-хъ годахъ строителемъ старообрядческой Курженской обители близъ Повѣнца. Когда стало распространяться самосожигательное лжеученіе, Евфросинъ началъ

писать противъ лжеучителей, а потомъ, когда зло усидилось, старообрядцы „по многомъ взысканіи и единомысленномъ утвержденіи“ соборнѣ отлучили отъ своего общества проповѣдниковъ и послѣдователей самоожигательства и поручили Евфросину составить этотъ обширный обличительный трактатъ въ опроверженіе законности и душеполезности „самоубійственныхъ смертей“. Въ изданіи г. Лопарева трактату Евфросина предпослано обширное „сообщеніе“ издателя съ обзоромъ литературы вопроса о самоожигательствѣ, съ обстоятельнымъ разборомъ памятника, какъ историческаго источника и литературнаго произведенія, а къ тексту памятника приложены пояснительныя примѣчанія и указатели именъ и неизвѣстныхъ или малоизвѣстныхъ словъ, встрѣчающихся въ памятникѣ, съ „посильнымъ ихъ объясненіемъ“. Вообще *Отразительное писаніе* издано прекрасно.

Издатель въ своемъ сообщеніи или предисловіи не соглашается ни съ тѣми изслѣдователями исторіи раскола, которые видятъ въ самоожигательствѣ своего рода догматъ, особую секту, ни съ тѣми, которые считаютъ его просто послѣднимъ, отчаяннымъ средствомъ обороны, къ какому прибѣгали старообрядцы въ борьбѣ съ „мучителями“, т. е. никоніанами, подобно тому, какъ иногда гарнизонъ падающей крѣпости взрываетъ себя на воздухъ, чтобы не попасть живымъ въ руки непріятели. Но у самоожигательства были свои учителя, своя проповѣдь, была своя аргументація ученія и организація пропаганды, былъ свой мартирологій. Потому г. Лопаревъ склоняется къ среднему мнѣнію, что самоожигательство если не догматъ, то во всякомъ случаѣ ученіе. И самъ авторъ *Отразительнаго писанія* называетъ его „самоожигательнымъ толкомъ“ (стр. 111). Однако, какъ объяснить силу и самую возможность столь ужаснаго, безчеловѣчнаго толка? Возникновеніе такого толка можно объяснить діалектическимъ развитіемъ тогдашнихъ эсхатологическихъ представленій, направляемымъ логикой изуверства: это былъ послѣдовательный выводъ изъ взгляда на патріарха Никона, какъ на антихриста, на его церковныя новшества, какъ на знаменія близкой кончины міра. Толкуя, по сознанію самого Евфросина, „злѣ и блаженѣ“ Ипполитово слово о томъ, что въ послѣдніе дни предъ кончиной міра „не имать жертва (св-

харистія) явится“, эти богословы спокойно рѣшили, что таинства Христовы больше не нужны, а въ томъ числѣ и священство. Такъ зародилась безпоповщина. Мысль ея приписывается Капитону, извѣстному въ свое время подвижнику византийскихъ лѣсовъ, богословскій авторитетъ котораго держался главнымъ образомъ на замысловатомъ способѣ подвижничества: онъ носилъ трехпудовыя каменные вериги и спалъ въ висячемъ положеніи, вѣшая себя на крюкъ за желѣзныя поясъ: „и то ему постеля“, замѣчаетъ Евфросинъ (стр. 10). Гордыня обуяла его и онъ „началъ вводить по самосмышлению“, установилъ постъ по субботамъ, а ученики его пошли еще дальше, проповѣдовали постъ до голодной смерти, „въ ямахъ морити не сами же и не себя, но инѣхъ прельстя“. Самоубійство проповѣдовалось, какъ очистительное средство, которымъ готовились къ предстоявшей близкой кончинѣ міра, спасая свое благовѣріе отъ антихристовыхъ козней. Такъ возникло ученіе „самоубійственныхъ смертей“, или „путь, нареченный самовольное мученичество“, какъ выражается самъ Евфросинъ (стр. 109). По нашему мнѣнію, издатель на основаніи изданнаго трактата совершенно вѣрно говоритъ, что на первыхъ порахъ это изувѣренное самоистребленіе происходило безъ всякаго преслѣдованія раскольниковъ свѣтскою властью, не вынуждалось гоненіемъ (стр. 020). Такой характеръ первыхъ случаевъ „самоубійственныхъ смертей“ отмѣченъ и самимъ протопопомъ Аввакумомъ, ихъ одобрявшимъ: „а въ Нижнемъ преславно бысть, писалъ онъ: овыхъ еретики пожигаютъ, а иніи, распалшеса любовію и плакавъ о благовѣрїи, не дождавса еретическаго осужденія, сами во огнь дерзнувше, да цѣло и непорочно соблюдутъ правовѣріе,—ликовствуютъ со Христомъ, самовольные мученики“ (стр. 034).

Но какъ бы послѣдовательно и убѣдительно ни было выведено столь безбожное ученіе, его практическій успѣхъ былъ бы непонятенъ безъ тѣхъ пропагаторскихъ уловокъ, къ какимъ прибѣгали его проповѣдники. Трактатъ старообрядца Евфросина весьма ярко рисуетъ эти уловки и, какъ историческій источникъ, имѣетъ даже нѣкоторое преимущество передъ обличительными твореніями тогдашнихъ православныхъ борцовъ противъ раскола. Тѣ были настоящіе

богословы, которые въ своемъ пастырскомъ всеоружіи шли противъ догматическихъ погрѣшностей и нравственныхъ безобразій своихъ противниковъ. Самая высота ихъ полемической аргументаціи помогала нѣкоторому преувеличенію обличаемыхъ заблужденій: чувствуя силу наносимыхъ лжеученію ударовъ, читатель невольно поддается мысли, что поражаемые заслуживали такого сильнаго оружія. Притомъ и положеніе православныхъ полемистовъ, стоявшихъ гораздо выше своихъ противниковъ, мѣшало имъ видѣть тѣ мелкія и низменные средства, которыми пользовались ихъ противники. Евфросинъ не подаетъ повода къ такому преувеличенію: онъ выше своей обличаемой братіи, но на умѣренную высоту; у него одна съ нею точка зрѣнія, только онъ видитъ гораздо дальше; многіе изъ обличаемыхъ его добрые или недобрые знакомые, съ которыми онъ говаривалъ запросто и о которыхъ онъ зналъ всю подноготную. У него подъ руками были, очевидно, и интимные негласные первоисточники: онъ доточно знаетъ, что сдѣлалъ одинъ старецъ— подвижникъ, проповѣдникъ самосожигательства, съ своей духовной дочерью въ темномъ лѣсу, пообѣщавъ ей вѣнецъ небесный (стр. 37). Съ расчетливымъ простодушіемъ и иногда съ веселымъ юморомъ, а подъ-часъ даже съ покушеніемъ на римованную версификацію, съ прибаутками и безъ всякой заботы о системѣ, о послѣдовательномъ и отчетливомъ развитіи мыслей изображаетъ онъ самыми реальными чертами приемы и ухватки учителей самосожженія, величая ихъ нѣжно-насмѣшливыми названіями „старчика-черничка“, „псишки“, „прелестничиска“ и т. под. Благодаря такому изложенію картина самосожженій представляется читателю во всей своей ужающей наглядности, хотя не всегда разберешь, негодуетъ ли авторъ на подлость, или глумится надъ глупостью. Особенно выпуклыми чертами обрисована у него тактика проповѣдниковъ самосожигательства. Недоумѣваешь, гдѣ и какъ могли они пріобрѣтать такую пропагаторскую выправку. Въ большинствѣ это не столько фанатики, сколько прямо плуты, и ихъ дѣятельность является въ изображеніи Евфросина недобросовѣстной эксплуатаціей темной массы. Пропагандисты конспиративно поддерживали другъ друга, уговаривая простаковъ горѣть, но сами горѣли очень рѣдко. Они говорили другъ другу:

станемъ добръ и не ослабѣемъ до смерти, пока не погорятъ всѣ наши; намъ вѣдь не больно и не будетъ намъ жарокъ огонь, на нашемъ тѣлѣ придется кипѣть въ немъ; нужная болѣзнь нетрудна. бываетъ и можно намъ чужими тѣлами подвизаться; другимъ страданіе, а намъ вѣнцы; пусть другіе сгорятъ, а мы еще проживемъ на бѣломъ свѣтѣ, было бы кому ихъ, покойниковъ, за упокой цѣловать, а кому наследовать ихъ имѣніе,—это мы послѣ нихъ, страдальцевъ, прекрасно устроимъ, разнесемъ отцамъ и матерямъ по пустынямъ и вездѣ ихъ помянуть, а насъ за то похвалятъ, мы же ихъ прижжемъ, слабыхъ укрѣпимъ, а холодныхъ разожжемъ, и они сами всѣ въ огонь полѣзутъ: лучше имъ самимъ себя огнемъ осудить, нежели антихристу какимъ небреженіемъ послужить—и т. д. въ этомъ родѣ (стр. 17).

Распространителями самовольнаго мученичества являлись лица духовныя—старцы, попы, и свѣтскія—подъячіе, доповичи, даже простые мужики. Одни бродили по селамъ и деревнямъ убогими странниками, съ дорожными котомками за плечами, другіе ходили разряженными щеголями, въ собольихъ шапочкахъ, кривыхъ сапогахъ, нарядныхъ кафтаныхъ, расшитыхъ сорочкахъ и разноцвѣтныхъ штаникахъ: „отъ отморныхъ бо тѣхъ животовъ нескудно обогащени“, замѣчаетъ Евфросинъ при описаніи ихъ наряда, разумѣя остававшуюся послѣ самосожженцевъ рухлядь, которую забирали проповѣдники (стр. 55). Авторъ трактата не разъ воспроизводитъ или пародируетъ самую проповѣдь этихъ пошехонскихъ и другихъ „апостоловъ“, какъ онъ ихъ иронически величаетъ; издатель отмѣтилъ въ предисловіи наиболѣе характерныя мѣста такого рода (стр. 025 сл.). Проповѣдники обращались къ совращаемымъ съ такимъ примѣрно воззваніемъ: Возлюбите себя и свое спасеніе, съ женами и дѣтьми теките въ царство небесное; полно вамъ плутать и попамъ окупъ давать; скорымъ путемъ да прямо въ рай; вамъ вѣдь будетъ хорошо и сладко, а не намъ; намъ еще пожить на вольномъ свѣтѣ, насъ попы не видятъ; мы за вами что за стѣнами; вотъ мы васъ утвердили, только вы не слабѣйте, а мы себѣ поищемъ другихъ учениковъ, и тамъ намъ мѣсто будетъ и съ нашъ вѣкъ избудетъ (вѣроятно—на нашъ вѣкъ хватить) и т. далѣе. Иногда проповѣднику надобилось подкрѣпить свою проповѣдь высшимъ

авторитетомъ и на этотъ случай у него былъ подъ руками пуетозёрскій заточникъ, великій страдалецъ, самъ протопопъ Аввакумъ. Подойди-ка сюда ты, старче, съ своими сѣдыми волосами, говорилъ тогда лжеучитель своимъ слушателямъ, — и ты, невѣста, съ дѣвической своей красотой, взгляните въ эту вотъ книгу, священную тетрадь: увидите, мутимъ ли мы васъ и сбиваемъ ли съ толку; чей это слогъ и чья рука? самого великаго Аввакума, втораго Павла; его святая рука написала слово, которое я вамъ читаю. Смотритъ старецъ — слезы роняетъ; глядитъ дѣвица — сокрушается сердцемъ, а проповѣдникъ, распаяясь, слово на слово нанизываетъ (стр. 21). Эти священные тетради были въ большомъ ходу среди самосожигателей и служили значительнымъ подспорьемъ изувѣрнымъ импровизаціямъ ихъ вожаковъ. „Правовѣрные“ старообрядцы, боровшіеся съ изувѣрами, жаловались, что послѣдніе своими тетрадями всю Русь возмутили. То были не одни подлинныя сочиненія Аввакума, но и подложныя, ему приписанныя. Иные совратители откровенно признавались, что многихъ обманули, составляли писанія, какъ умѣли, и поднисавъ на нихъ имя Аввакума, разносили и читали ихъ легковѣрнымъ, чѣмъ и собрали много корысти (стр. 99 и 89). Авторъ негодуетъ на „скверное поселянство и деревенское дурачество“ поморскихъ „мерзкихъ учителей“, которые соблазнительно-простыми, грубыми рѣчами отвлекали темный людъ отъ ненавистнаго имъ покаянія, указывая ему въ самосожженіи путь спасенія прямѣе и короче: „какое де это покаяніе — десять лѣтъ эпитиміи! гдѣ тутъ потѣтъ, кланяться да молиться? въ огонь — вотъ и все покаяніе: ни трудися, ни потися, да часомъ въ рай вселися; всѣ-то грѣхи очистить огонь“ (стр. 48). Совратители не щадили и дѣтей, соблазняя ихъ благами, имъ понятными: малыя ребята, рассказываетъ авторъ, играя, поучали другъ друга: пойдемъ въ огонь; на томъ свѣтѣ намъ будутъ рубахи золотныя, сапоги красные, меду, орѣховъ и яблоковъ вдоволь; сторимъ сами, а антихристу не поклонимся (стр. 22).

Въ трактатѣ старца Евфросина обильно разсѣяны любопытныя черты и подробности, живо рисующія обличаемое имъ мрачное движеніе. Можетъ быть, въ его картинѣ есть и преувеличеніе, и каррикатура; но это не роняетъ цѣны

его труда, какъ историческаго источника: онъ передаетъ свои еще свѣжія впечатлѣнія, а не воспоминанія. Въ одномъ мѣстѣ онъ самъ говоритъ своимъ противникамъ: „еже слышахъ отъ васъ, еже видѣхъ у васъ, то и речемъ и отъ учениковъ вашихъ слышанное, то возвѣщаемъ, да же ваша правда всему міру будетъ познана“ (стр. 15). При наклонности автора къ ироніи и словоохотливому балагурству его обличеніе носитъ характеръ простодушной, иногда тривиальной бесѣды съ несогласными друзьями, по мѣстамъ переходящей въ перебранку съ упрямыми сумасбродами. Онъ больше старается осмѣять, чѣмъ обличить своихъ противниковъ: иного учителя самосожженія попрекнетъ тѣмъ, что онъ, второй Ахиллесъ, къ бабьему полку приросъ или умъ свой на овсянныхъ блинахъ проѣлъ, про другаго напишетъ: „полно де уже, голубокъ, жить, рѣпа де брюхо проѣла, пора на тотъ свѣтъ, хоть бы попасть въ малые мученички“ (стр. 66, 67 и 69). Несмотря на это трактатъ оставляетъ въ читателѣ очень тяжелое впечатлѣніе. Богословское содержаніе полемики скудно и блѣдно, полемическая аргументація неотчетлива и неубѣдительна; но бытовая среда, въ которой разыгрывались ужасы самосожигательства, освѣщается очень ярко и самый этотъ „толкъ“ сквозь безпорядочное и малограмотное изложеніе трактата съ шутками и прибаутками выступаетъ какимъ-то безтолковымъ повальнымъ недугомъ, растрavляемымъ тупыми, озлобленными челоуѣконенавистниками. По словамъ автора, окаянные учителя только то всѣмъ и натвердили, что „лихо пришло время, николи такова не бывало“; у старыхъ и малыхъ, у слѣпыхъ и хромыхъ одно на языкѣ: „въ огонь да въ воду, только и уходу“ (стр. 38). Надобно усиленно напрягать воображеніе, чтобы съ нѣкоторой ясностью представить себѣ болѣзненный психологическій процессъ, приводившій къ такому повальному безотрадному настроенію. Иногда возникаетъ даже подозрѣніе, что авторъ трактата, старообрядецъ, клеветаетъ на свою братію, съ нимъ несогласную. Но и это невѣроятно: въ своемъ разсказѣ по пути, мимоходомъ онъ передаетъ такія вещи, которыми онъ прекрасно могъ бы воспользоваться для полемики—и совсѣмъ ими не пользуется. Онъ съ какой-то легкой грустью передаетъ факты, отъ которыхъ у нервнаго современнаго читателя

могутъ дыбомъ подняться волосы. Эпически-спокойно и съ жестоко-детальной отчетливостью очевидца рисуетъ онъ картину „гари“ съ обезображенными трупами самосожженцевъ и съ пировавшими среди нихъ собаками или рассказываетъ, какъ куча сбитыхъ съ толку людей, въ минуту увлеченія попавъ въ наглухо запертую морильню, отрезвленная голодомъ, медленно гибла съ безсильными воплями. Въ другомъ мѣстѣ авторъ рассказываетъ, какъ одинъ апостоль самосожженія Лында-мужикъ пришелъ въ городъ проповѣдывать самосожигательство „по краденымъ тетрадкамъ“. Увидѣвъ женщинъ въ „монистахъ“ и дѣвицъ въ „чепочкахъ“, онъ толкнулъ своего спутника въ грудь и прошепталъ: „когда сими монистами намъ велить Богъ владѣти?“ (стр. 36). Характерно для автора его замѣчаніе по этому поводу, что это „смѣху достойно“. Рѣчь идетъ объ одномъ изъ „зажигателей и морителей“, который при видѣ женщинъ, обреченныхъ имъ на самосожженіе, съ злодѣйскимъ удовольствіемъ представляетъ себѣ, какъ онъ овладѣетъ уборами своихъ жертвъ—и обличитель этихъ злодѣевъ находитъ это только смѣшнымъ. Трудно рѣшить, отъ чего происходило такое легкое отношеніе обличителя къ обличаемымъ ужасамъ, отъ манеры ли писанія, скрывавшей настроеніе писателя, или отъ того соображенія, что такой способъ обличенія всего скорѣе можетъ образумить жертвы обличаемыхъ изуверовъ. Но трактатъ производитъ удручающее впечатлѣніе. Въ народномъ движеніи, поднявшемся повидимому изъ-за вѣры, видить въ смущаемой народной массѣ испуганное суевѣріе, въ ея мутителяхъ расчетливое безвѣріе: но ни съ той, ни другой стороны не видать проблеска вѣры. Очевидно, въ трактатѣ Евфросина мы встрѣчаемся съ труднымъ для изученія народно-патологическимъ явленіемъ ¹⁾. Особенно трудно понять вліяніе проповѣдниковъ самосожженія, какъ ихъ изображаетъ Евфросинъ, —людей въ большинствѣ тупыхъ, хищныхъ, невѣжественныхъ и глубоко развращенныхъ, которые, по выраженію Евфросина, „по краденымъ тетраткамъ въ воду и въ огонь народамъ благовѣстили“. Къ нимъ даже

¹⁾ Попытку объяснить происхожденіе этого явленія, основанную на тщательномъ изученіи предмета, сдѣлалъ по поводу изданнаго г. Лопаревымъ памятника г. Смирновъ въ *Христіанскомъ Читеніи* 1895 г. (вып. 3 и 4).

едвали идетъ названіе изувѣровъ: въ нихъ много холодной злости, но незамѣтно фанатическаго увлеченія. Это эксплуататоры народнаго суевѣрія, сила которыхъ въ безсиліи массы. Въ притонѣ Ивана Коломенскаго, новгородскаго учителя саможигательства, набралось слишкомъ много послѣдователей, „знатное дѣло учениковъ тѣхъ, *прозвусдо*“. Тѣсно стало жить учителю и вотъ онъ, шлетъ къ высокопочитаемому старовѣрческому „аввѣ“ Досидею писаніе съ просьбой, чтобъ подалъ благословеніе на саможжегіе“. Обличитель такъ объясняетъ поступокъ Ивана: „помыслилъ то, чтобъ пооблегчиться и жить бы было попространдѣе“ (стр. 13). Въ трактатѣ есть неподобная сцена, отмѣченная и издателемъ въ предисловіи, въ которой живо изображаются главные проповѣдники саможигательства (стр. 063 и 52). Къ старовѣркѣ княгинѣ Урусовой, у которой жилъ Евфросинъ, пришли зажигатели Поликарпъ, Андрей и подъячій Григорьевъ борются съ своимъ обличителемъ. Хозянкъ и Евфросину было напередъ возвѣщено, что идетъ на нихъ самъ Поликарпъ съ поборниками, что волкъ неутолимый на овечье стадо. „Ужаснухомся немало грозъ тѣхъ страшныхъ“, замѣчаетъ при этомъ Евфросинъ. Шла въ избѣ Урусовой заутреня, которую служилъ Евфросинъ въ присутствіи страшныхъ гостей. Читалось толкованіе Іоанна Златоуста на то мѣсто посланія апостола Павла къ Римлянамъ, гдѣ читается: *братіе, блюдитесь отъ творящихъ распри и раздоры чрезъ ученіе апостольское* и пр. Сослужившій съ Евфросимомъ братъ Алексѣй возвышеннымъ голосомъ отчетливо отчеканилъ слова Златоуста: *вся бѣды отъ сего въ церковь внидоша, за еже распри держати и чрезъ ученіе апостольское вново что вводити* (приводимъ тексты, какъ они читаются въ трактатѣ Евфросина). Зажигатели смутились: Поликарпъ понурилъ голову и покашливаетъ, Андрей ерзаетъ на лавкѣ, подъячій изъ своего угла глядитъ волкомъ, всѣ присутствовавшіе переглядываются. По окончаніи заутрени оторопѣвшіе проповѣдники пріободрились, „свирѣпші самоборды храбрость показаша“; Поликарпъ и подъячій набросились на Алексѣя, зачѣмъ онъ читалъ имъ Павла и Златоуста и пособствуетъ этому злему старцу (Евфросину), людямъ горѣть не велить. На подмогу къ озлившимся товарищамъ присталъ и Андрей, словно ершь изъ воды, шея

коломъ, голова копыломъ, самъ весь дрожить и трясется, борода пляшетъ, зубы шелкаютъ, ореть, точно верблюдъ разъяренный. Всѣ перепугались, хозяйка помертвѣла, думала бѣдная, что растерзаютъ насъ, прибавляетъ авторъ, съ недѣлю бродила—едва ноги волочила: сердце у нея замерло отъ страха, будто косою ноги подкосило. Возражая противникамъ, Евфросинъ говорилъ: а почему вы сами не суетесь въ воду и въ поломя? когда то добро, вамъ бы впередъ! А они на это басни поютъ, достойныя ихъ мудрости, „смѣхъ же разумнымъ“!

Въ трактатѣ Евфросина обильно разсѣяны яркія краски, которыя пригодятся изслѣдователю для исторической картины страшнаго движенія, обличаемаго авторомъ трактата. Мы едвали преувеличимъ значеніе памятника, издавнаго г. Дюпаревымъ, если скажемъ, что это одинъ изъ лучшихъ матеріаловъ для изученія патологіи старообрядства, какимъ оно было во второй половинѣ XVII вѣка, т. е. въ первую пору своего существованія. Онъ несомнѣнно поможетъ объяснить какъ вліяніе проповѣдниковъ самосожигательства на массу „глубоко безсловесныхъ и незлобивыхъ душъ“, какъ называетъ авторъ трактата жертвы этихъ проповѣдниковъ, такъ и возможность такихъ жертвъ, принесенныхъ нечестивой ихъ проповѣди. Издатель трактата Евфросина помѣстилъ во введеніи весьма любопытный перечень всѣхъ извѣстныхъ случаевъ самосожженія съ половины 1670-хъ годовъ до 1691 года, когда написанъ былъ изданный имъ памятникъ. Онъ считаетъ 37 такихъ случаевъ, не включая въ свой перечень многочисленныхъ случаевъ самосожженія въ Сибири. Сверхъ того издатель насчиталъ за тотъ же періодъ 1675—1691 гг. 4 случая самоуморенія голодомъ, „два и болѣе случаевъ самоутопленія, столько же—самозакланія“. Во всякомъ случаѣ, по соображеніямъ автора, за этотъ періодъ времени погибло отъ „самоубійственныхъ смертей“ болѣе 20,000 человекъ (стр. 058).

Чѣмъ болѣе преувеличеннымъ окажется этотъ счетъ по дальнѣйшимъ разысканіямъ, тѣмъ лучше и тѣмъ менѣе расположена будетъ историческая критика винить почтеннаго издателя за это преувеличеніе.

В. Ключевскій.